

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, 3 р., съ доставкой въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Имперіи. За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб. Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, дому № 18-й.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства Александру Желобовскому.

Обращая **МОНАРШЕЕ** вниманіе на усердное служеніе ваше, сопровождающееся особыми заботами объ умноженіи военныхъ церквей и о привлеченіи въ составъ военнаго духовенства достойныхъ и просвѣщенныхъ служителей церкви и учителей Закона Божія, **ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ** сопричислили **МЫ** васъ къ **ИМПЕРАТОРСКОМУ** ордену **НАШЕМУ** Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, знаки коего, при семъ препро-

вождая, ПОВЕЛѢВАЕМЪ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ къ вамъ ИМПЕРАТОРСКОЮ милостію НАШЕЮ благосклонны.

На подлинной Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

Въ Царскомъ Селѣ,
6 мая 1900 года.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ къ 6-му числу мая текущаго года, къ торжественному дню рожденія Его Величества, сопричислить настоятеля церкви Генеральнаго и Главнаго Штаба, протоіерея Григорія *Словцова* къ ордену Св. Владиміра 2-й степени.

Государь Императоръ, по засвидѣтельствованію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода объ отлично-усердной службѣ стolonачальника Духовнаго Правленія при Протопресвитерѣ военнаго и морского духовенства, титулярнаго совѣтника Николая *Кедринскаго*, Всемилостивѣйше соизволилъ къ 6-му мая текущаго года, дню рожденія Его Императорскаго Величества, пожаловать его кавалеромъ ордена Св. Станислава 3-й степени.

Списокъ духовнымъ лицамъ вѣдомства Протопресвитера военнаго и морского духовенства, кои Всемилостивѣйше пожалованы къ 6 числу мая 1900 года орденами.

а) *Орденomъ Св. Владиміра 3 степени*—Виленской военной Благовѣщенской церкви протоіерей *Зиновій Давидовичъ*; церкви 95-го пѣхотнаго Красноярскаго полка протоіерей *Іоаннъ Богословскій*; б) *орденomъ Св. Анны 2 степени*—Бакинской портовой церкви протоіерей *Викторъ Вознесенскій*; С.-Петербургскаго Адмиралтейскаго собора протоіерей *Іоаннъ Невдачинъ*; Тифлисскаго военно-Николаевскаго собора протоіерей *Іоаннъ Ломауровъ*; церкви 79-го пѣхотнаго Куринскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича полка протоіерей *Онисимъ Жан-*

дгевз; Витебской военно-Николаевской церкви протоіерей Николай *Заблоцкий*; в) *орденомъ Св. Анны 3 степени*—Введенской лейбъ гвардіи Семеновскаго полка церкви протоіерей Феодоръ *Соловьевъ*; С.-Петербургскаго Адмиралтейскаго собора протоіерей Василій *Молоденскій*; церкви 132-го пѣхотнаго Бендерскаго полка священникъ Игнатій *Пославскій*; церкви 250-го Ахульгинскаго резервнаго баталіона священникъ Василій *Соколовъ*; церкви 3-го пѣхотнаго Нарвскаго генераль-фельдмаршала князя Воронцова полка священникъ Іоаннъ *Протопоповъ*; Делижанской военно-мѣстной церкви священникъ Александръ *Гиндовскій*.

НАГРАДЫ

отъ Святѣйшаго Синода выдаваемыя.

Списокъ лицамъ духовнаго званія, кои Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія за заслуги по вѣдомству Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства къ 6 мая 1900 г.

а) *Оаномъ протоіерей*—церкви 64-го пѣхотнаго Казанскаго полка священникъ Василій *Соболевъ*; церкви 72-го пѣхотнаго Тульскаго полка священникъ Павелъ *Мурзакевичъ*; церкви Гельсингфорскаго мѣстнаго лазарета священникъ Павелъ *Цитовичъ*; церкви 119-го пѣхотнаго Коломенскаго полка священникъ Павелъ *Богдановичъ*; церкви лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго полка священникъ Павелъ *Николаевскій*; церкви Екатериноградскаго дисциплинарнаго баталіона священникъ Іаковъ *Стефановскій*; церкви 162-го пѣхотнаго Ахалцыхскаго полка священникъ Алексій *Добровольскій*; церкви 18-го драгунскаго Клястицкаго полка священникъ Степанъ *Тучапскій*; церкви лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка священникъ Алексій *Борисоглѣбскій*; церкви 153-го пѣхотнаго Бакинскаго полка священникъ Александръ *Дружининъ*; церкви С.-Петербургскаго Семеновскаго Александровскаго военнаго госпиталя священникъ Іоаннъ *Рождественскій*; Севастопольскаго Адмиралтейскаго собора священникъ Константинъ *Реутовъ*; б) *наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*—церкви 3-го гренадерскаго Перновскаго полка священникъ Василій *Истоминовъ*; церкви лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка священникъ Николай *Ливенцовъ*; церкви 13-го драгунскаго Каргопольскаго полка священникъ Димитрій *Никологорскій*; состоящій для командировокъ

при штабѣ Варшавскаго военнаго округа Левъ *Игнатовичъ*; Варшавской Александро-Невской цитадельной церкви священникъ Павелъ *Новинскій*; Брестъ - Литовскаго военно-крѣпостнаго собора священникъ Александръ *Аванасъевъ*; церкви 124-го пѣхотнаго Воронежскаго полка священникъ Николай *Юрѣевъ*; Кіевскаго военнаго собора священникъ Василій *Предтеченскій*; того же собора священникъ Іаковъ *Пиотухъ*; церкви 143-го пѣхотнаго Дорогобужскаго полка священникъ Николай *Вышелъскій*; Варшавской Александро-Невской цитадельной церкви священникъ Александръ *Соколовъ*; церкви лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго баталіона священникъ Александръ *Смирновъ*; в) *камилавкою*—церкви 8-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка священникъ Петръ *Поваринскій*; церкви 148-го пѣхотнаго Каспійскаго полка священникъ Александръ *Старопольскій*; церкви 4-го пѣхотнаго Копорскаго полка священникъ Іоаннъ *Листовъ*; церкви 8-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона священникъ Никифоръ *Цоколаевъ*; церкви 133-го пѣхотнаго Симферопольскаго полка священникъ Василій *Игнатенко*; церкви Тираспольскаго мѣстнаго лазарета священникъ Петръ *Кашпуревъ*; церкви 145-го пѣх. Новочеркасскаго Императора Александра III-го полка священникъ Теодоръ *Ласкѣевъ*; церкви 98-го пѣхотнаго Юрѣевскаго полка священникъ Николай *Игнатовичъ*; церкви 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка священникъ Никодимъ *Старосивильскій*; церкви 169-го пѣхотнаго Ново-Трокскаго полка священникъ Михаилъ *Зеленинъ*; церкви 109-го пѣхотнаго Волжскаго полка священникъ Александръ *Измайловъ*; Бронштадтской морской Богоявленской церкви священникъ Василій *Погодинъ*; Ивангородской военно-крѣпостной церкви священникъ Василій *Поповъ*; церкви 1-го Черноморскаго полка Кубанскаго казачьяго войска священникъ Александръ *Сланскій*; церкви 42-го драгунскаго Митавскаго полка священникъ Александръ *Успенскій*; Ревельской портовой Симеоновской церкви священникъ Христофоръ *Братолюбовъ*; церкви 16-го драгунскаго Глуховскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны полка священникъ Антоній *Яковкевичъ*; церкви лейбъ-гвардіи Литовскаго полка священникъ Николай *Бѣловъ*; церкви лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской Фамиліи баталіона священникъ Владиміръ *Зайцевъ*.

Военному духовенству къ исполненію.

Въ одномъ изъ военныхъ округовъ, по случаю такъ называемаго инспекторскаго смотра, возникли нежелательныя недоразумѣнія между военнымъ начальствомъ и полковымъ священникомъ.

Во избѣжаніе на будущее время подобныхъ явленій, предлагаю военнымъ пастырямъ:

- 1) являться къ начальнику, прибывшему для инспекторскаго смотра,
- 2) просить у него указаній, когда угодно будетъ посѣтить церковь и учебную команду, чтобы при этомъ посѣщеніи священнику присутствовать и
- 3) съ готовностью исполнять всѣ законныя требованія, какія найдетъ нужнымъ предъявить лицо, инспектирующее воинскую часть.

Протопресвитеръ А. Желобовскій.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Слово въ день Вознесенія Господня.

Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка.

Сегодня, братіе, мы празднуемъ событіе, которымъ закончилась земная жизнь Иисуса Христа—событіе вознесенія Его на небо. Вотъ какъ св. евангелистъ рассказываетъ объ этомъ славномъ событіи. Въ сороковой день послѣ воскресенія изъ мертвыхъ (Лук. 24, 45), Иисусъ Христосъ вывелъ учениковъ Своихъ изъ Иерусалима до Вифаніи, и здѣсь на горѣ Елеонской *воздвигъ руку Свою, благослови ихъ. И бысть егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо. И тѣи* (ученики), прибавляетъ св. евангелистъ, *поклонившася Ему, и возвратившася во Иерусалимъ съ радостію великою* (Лук. 24, 50—51). Эта великая, святая радость навсегда осталась неотъемлемымъ достояніемъ изъ духа, драгоценнымъ сокровищемъ ихъ сердца, неоскудѣвающимъ источникомъ утѣшенія на всю послѣдующую ихъ жизнь. Ничто въ мірѣ не могло отнять у нихъ этой святой и животворной радости о Господѣ.

Что же за причина этой необыкновенной радости? Неужели апостолы радовались только потому, что Божественнаго ихъ Учителя не стало съ ними? Нѣтъ, они радовались потому, что вознесеніемъ Іисуса Христа на небо завершено Имъ все дѣло искупленія рода человѣческаго. Восходя отъ земли, нѣкогда проклятой за грѣхи человѣка, на небо—царство славы, Спаситель окончательно примирилъ небо съ землею. Онъ сталъ *предтечею на небеса* (Евр. 6, 20) для каждаго человѣка, который вѣруетъ во Христа и живетъ во Христѣ, а такимъ образомъ и обители въ дому Отца небеснаго, прежде недоступныя для самыхъ праведниковъ, сдѣлались отверзстыми для каждаго вѣрующаго въ Сына Божія. Вотъ почему радовались св. апостолы, разлучившись съ своимъ Божественнымъ Учителемъ, вознесшимся на небо. Они помнили Его непреложное слово: *иду приготовить мѣсто вамъ; и еще приготовлю мѣсто вамъ, паки прииду и пойму вы къ себѣ* (Іоан. 14, 2—3). Открывъ путь отъ земли на небо для человѣка, Спаситель вознесся на небо съ человѣческою плотію, хотя обоженною и одухотворенною. Такимъ образомъ природа человѣческая не только искуплена отъ грѣха, не только очищена и прославлена Богочеловѣкомъ, но и *снасаждена на небесныхъ* (Еф. 11, 6) въ лицѣ Богочеловѣка. Съ природою человѣческою восшелъ Іисусъ на небо, съ нею же Онъ сидитъ одесную престола величествія Божія: какая слава для христіанина въ настоящемъ и какой залогъ сладостной надежды въ будущемъ?! *Чадца моя, пишетъ апостоль къ вѣрующимъ, еще кто согрѣшитъ Ходатая имамы ко Отцу Іисуса праведника.* (1-е Іоан. 2, 1). *Онъ всегда живъ съи во еже ходатайствовати о насъ* (Евр. 7, 25). Это ходатайство, по ученію св. отцовъ Церкви, въ томъ состоитъ, что Сынъ человѣческой Сынъ Божій присутствуетъ на небѣ съ плотію человѣческой, взирая на которую Богъ Отецъ вспоминаетъ о той любви къ роду человѣческому, ради которой Сынъ Его принялъ тѣло, и склоняется къ милосердію. Вотъ почему радовались апостолы по вознесеніи Христовомъ на небо.

Но отходя на небо, Спаситель не оставилъ своихъ учениковъ. И по вознесеніи къ Отцу Своему, сдѣлавшись невидимымъ для тѣлесныхъ очей ихъ, Онъ не только не разлучился съ ними и не оставилъ ихъ, а, напротивъ, обѣщалъ пребывать съ ними вездѣ и всегда: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѣ. 28, 20), — таково Его послѣднее обѣтованіе. Это божественное обѣтованіе принадлежитъ и намъ—ученикамъ и послѣдователямъ Христовымъ, такъ какъ, по слову Самого Господа, оно простирается на всѣ дни до

скончанія вѣка. Какъ не оставилъ Онъ сирыми св. апостоловъ, такъ не оставляетъ и никогда не оставитъ сирыми и насъ, если мы сами не оставляемъ Его и не удаляемся отъ Него своими грѣшными мыслями и чувствами. До переселенія нашего въ вѣчное царство славы, куда восшелъ предтечею Самъ Христосъ, Имъ устроено и на землѣ царство благодати: это св. Церковь, это Божіе царство на землѣ, воспитывающее и подготавливающее своихъ членовъ къ вѣчной загробной жизни. Это царство—христіанское общество, управляемое поставляемыми Богомъ пастырями. Кто же верховный Владыка этого царства? Самъ Тотъ, Который восшелъ на небо видимымъ образомъ, но невидимо не оставилъ и своего земнаго царства. Царствуя на небѣ, Господь, царь и земли, царствуетъ и среди насъ въ основанной Имъ Церкви.

Царственныхъ дѣяній на землѣ Царя-Христа, уже послѣ вознесенія Его на небо, такъ много и они такъ громко возвѣщены всему міру, сначала чрезъ апостоловъ, а потомъ чрезъ святыхъ Божіихъ, даже чрезъ различныя чудодѣйственныя иконы, что исчислять ихъ было бы трудно, да предъ истинными христіанами было бы излишне. Со времени чуда, явленнаго надъ св. апостолами въ Иерусалимѣ, когда сошелъ на нихъ Духъ Святой въ видѣ огненныхъ языковъ, и они стали говорить языками, какимъ никогда не учились, до современныхъ намъ чудесъ, постоянно являемыхъ въ Церкви Божіей,—сколько во все это время явлено дивныхъ дѣяній Иисуса Христа—Царя земли и неба? Не говоримъ о безчисленныхъ чудесахъ апостоловъ, о многихъ тысячахъ людей, тотчасъ же обратившихся ко Христу по слову и силѣ апостоловъ и ихъ преемниковъ, какъ давно минувшихъ, какъ совершенныхъ во времена отъ насъ отдаленныя: развѣ это не чудо, когда видимъ, что самое тѣло святыхъ Божіихъ не предается тлѣнію, что простое изображеніе Божіей Матери, или напримѣръ Св. Николая архіепископа Мирликійскаго, какъ нѣчто живое и цѣлебное, исцѣляетъ недуги, прогоняетъ демоновъ и проч.? Да и самая земная жизнь св. угодниковъ Божіихъ ясно говоритъ намъ о царственной силѣ Господа Иисуса Христа, дивнаго и въ земномъ своемъ царствѣ—Церкви Божіей. Даже и наша земная жизнь была бы печальна, если бы Сынъ Божій не проявлялъ Своей царственной силы (Быт. II—18). Безъ его ходатайства о насъ, быть можетъ, не существовалъ бы и самый міръ нашъ, во злѣ лежащій. Если мы наслаждаемся жизнію и здоровьемъ, то должны благодарить за это всемо-

гушаго Ходатая нашего Иисуса Христа, о *Немъ бо живемъ и движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28).

Такимъ образомъ премилосердный Господь нашъ и по вознесеніи Своемъ на небо къ Отцу Своему не оставилъ насъ, но пребываетъ съ нами неотступно.

Надобно и намъ, братіе, не удаляться отъ Него грѣхами и беззаконіями, пребывать въ Немъ крѣпкою вѣрою, сердечною любовію и твердою надеждою,—и Онъ будетъ нашимъ всемогущимъ заступникомъ и скорымъ помощникомъ.

Придите же, братіе, поклонимся и припадемъ предъ Нимъ въ благоговѣйномъ умиленіи, съ сыновнею любовію и преданностію св. воли Его; будемъ просить у Него всего необходимаго намъ, и молитва вѣры будетъ услышана и всякое благое прошеніе наше будетъ исполнено, все полезное душѣ нашей будетъ намъ преподано. Аминь.

Священникъ 15-го драгунскаго Александрійскаго полка Алексѣй **Ершовъ**.

Поученіе на праздникъ Пятидесятницы.

(Объясненіе обычая въ Троицынъ день украшать храмы и дома древесными листьями и цвѣтами).

Вспоминая сегодня сошествіе Св. Духа на апостоловъ, братіе-христіане, мы имѣемъ обычай украшать храмы Божіи и свои дома зеленѣющими травами и цвѣтами. И вездѣ на улицахъ, площадяхъ и въ домахъ мы видимъ украшеніе цвѣтами и древесными вѣтвями. Откуда ведется этотъ обычай? Установленъ онъ издавна и ведется въ нашей Церкви отъ глубокой древности. Правда, обычай этотъ не предписанъ намъ ни въ Священномъ Писаніи, ни въ церковномъ уставѣ. Однако, есть весьма много благочестивыхъ обычаевъ и установленій православной Церкви, которые хотя и не предписываются ни Священнымъ Писаніемъ, ни церковными уставами и законоположеніями, но переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ путемъ преданія и давняго употребленія. Къ числу таковыхъ обычаевъ принадлежитъ и обычай—въ праздникъ Пятидесятницы благоукрашать храмы и жилища наши зеленѣющими вѣтвями, травами и цвѣтами. Обычай этотъ ведетъ свое начало отъ временъ апостольскихъ. Онъ имѣетъ за собою глубокою древности и освященъ примѣромъ святыхъ мужей первыхъ временъ христіанства. Какой

имѣть смыслъ и значеніе обычай этотъ? Обычай благоукрашать въ праздникъ Пятидесятницы храмы и жилища наши взять изъ примѣра церкви ветхозавѣтной. Такъ Авраамъ у дуба Мамврійскаго, увидѣвъ трехъ странниковъ, приглашаетъ ихъ къ себѣ для отдохновенія и предлагаетъ имъ радушное угощеніе. По разумѣнію богомудрыхъ отцевъ, въ лицѣ трехъ странниковъ явился Аврааму Самъ Господь въ трехъ лицахъ. Отсюда издревле существуетъ обычай—три Лица Пресвятыя Троицы изображать на иконахъ въ видѣ трехъ странниковъ, угощаемыхъ Авраамомъ подь сѣнію одного изъ деревьевъ Мамврійской дубравы.

Храмы и жилища христіанъ православныхъ служатъ какъ бы образомъ той кущи Авраамой, у которой подь сѣнію дуба Мамврійскаго возсѣдали три Божественныхъ путника.

Взирая на растенія и травы, окружающія васъ въ этотъ праздникъ въ храмѣ и въ домахъ вашихъ, переноситесь мыслью къ явленію Трїипостаснаго Бога Аврааму. Возблагодарите благоговѣйно Господа Бога, являющагося намъ въ доступныхъ нашему чувству образахъ и приближающагося къ намъ грѣшнымъ съ такимъ благоснисхожденіемъ, что подобный нашъ чловѣкъ бесѣдуетъ съ Богомъ лицомъ къ лицу! Но вмѣстѣ съ тѣмъ старайтесь и сами утвердить въ себѣ то расположеніе духа, какое имѣлъ Авраамъ при встрѣчѣ и принятїи Господа. Именно: старайтесь подражать въ жизни его непоколебимой вѣрѣ въ Бога, его глубокому смиренію, его любви къ ближнему. Этимъ вы уподобитесь Аврааму, принявшему къ себѣ Господа; и этимъ вы привлечете на себя, подобно Аврааму, Божіе благословеніе и любовь Его къ вамъ.

Обычай украшать въ праздникъ Пятидесятницы храмы и дома зеленѣющими травами и цвѣтами мы видимъ въ другомъ примѣрѣ ветхозавѣтной церкви. Іудеи въ праздникъ Пятидесятницы украшали синагоги и дома свои древесными вѣтвями и цвѣтами въ воспоминаніе того, что законъ, данный Богомъ на горѣ Синаѣ, былъ данъ въ такое время года, когда все зеленѣло въ природѣ. Десять заповѣдей Синайскаго законодательства и для насъ христіанъ обязательны и необходимы. По этому благочестивый обычай ветхозавѣтной церкви украшать жилища и синагоги растеніями легко могъ быть удержанъ и въ нашей христіанской Церкви, тѣмъ болѣе, что и Сионская горница, въ которой Духъ Святыи сошелъ на апостоловъ въ день Пятидесятницы, по обычаю ветхозавѣтному, также была украшена древесными вѣтвями и цвѣтами. Поэтому апостолы и первенствующіе христіане

удержали этотъ обычай въ христіанской Церкви, и онъ дошелъ до насъ какъ былъ при апостолахъ въ первенствующей церкви.

Указаніе на обычай украшать травами и цвѣтами наши жилища въ праздникъ Пятидесятницы мы находимъ и еще въ другомъ примѣрѣ церкви ветхозавѣтной. Въ ней въ праздникъ Пятидесятницы было предписано закономъ, въ знакъ благодарности къ Богу, приносить Ему первые плоды жатвы, которая въ Палестинѣ къ этому времени поспѣвала. Подобно сему и въ христіанской Церкви удержался обычай приносить въ храмъ въ началѣ весны первыя произведенія растительнаго царства. Этотъ прекрасный обычай свидѣтельствуетъ о желаніи нашемъ принести Господу Богу жертву хвалы и благодаренія за весеннее обновленіе природы.

Взирая на древесныя вѣтви и цвѣты, слуш., всегда будемъ представлять въ мысли, что этими цвѣтами и вѣтвями мы приносимъ какъ-бы жертву благодаренія, достойную Бога, обновляющаго весеннюю природу послѣ долгаго зимняго сна.

Обычай благоукрашать древесными вѣтвями и цвѣтами въ праздникъ Пятидесятницы указываетъ намъ на наше духовное, нравственное состояніе, какое мы должны имѣть въ жизни. Взгляните: вотъ цвѣты зеленѣютъ, цвѣтутъ и благоухаютъ. Такова должна быть и жизнь каждаго христіанина. Она должна благоукрашаться и цвѣсти дѣлами добрыми и благочестивыми. Она должна сіять тѣми прекрасными качествами ума и сердца, которыя къ себѣ всѣхъ привлекаютъ, какъ-то благочестіемъ, вѣрою въ Бога, смиреніемъ, кротостію, любовью къ ближнимъ. Какъ цвѣты своимъ благоуханіемъ и красотою влекутъ къ себѣ взоры всѣхъ и каждаго, такъ благочестіе, вѣра и любовь привлекаютъ къ себѣ сердца всѣхъ. Жизнь наша такъ и должна сіять и цвѣсти дѣлами добродѣтели, чтобы она могла быть образомъ и примѣромъ для другихъ и чтобы она служила для славы Божіей. *Тако да просвѣтитя свѣтъ вашъ предъ чловѣки, сказалъ Спаситель, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ* (Матѳ. 5, 16). Такъ, братіе, держа въ рукахъ благоухающіе цвѣты въ настоящій праздникъ, постараемся явить въ жизни своей добрыя качества именно: *любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, вѣру, кротость* (Гал. 5, 22). Будемъ стараться привлекать на себя вѣяніе Духа Божія. Чѣмъ и какъ? Вѣрою, молитвою и смиреніемъ.

Братіе, мы видѣли откуда произошелъ обычай въ праздникъ Пятиде-

сятницы благоукрашать храмы и дома наши цвѣтами и древесными листьями. Позаботимся же, чтобы обычай этотъ послужилъ къ оживленію и укрѣпленію нашей вѣры и къ усовершенствованію въ нравственности для жизни будущей.

Тифлискаго военнаго госпиталя священникъ Гимовей **Веселовскій**.

Врачебное дѣйствіе молитвы.

Гигіена тѣла и гигиена души тѣсно связаны между собою. Эта научная аксіома не можетъ подлежать сомнѣнію; ее признають почти все авторытеты медицинской науки. Только тотъ человѣкъ можетъ считаться вполне здоровымъ, у котораго рядомъ со здоровымъ тѣломъ вполне здоровая душа; только тотъ можетъ сохранить здоровье, кто, соблюдая правила гигиены тѣла и мѣру въ пищѣ, въ питьѣ, въ трудѣ и отдыхѣ, содержитъ въ чистотѣ тѣло, жилище и одежду, хранитъ спокойствіе духа и не предается страстямъ. Нарушеніе правилъ гигиены души столь же, если не больше, пагубно для здоровья, какъ нарушеніе правилъ гигиены тѣла.

Новѣйшая медицина признаетъ также, какъ несомнѣнный фактъ, что при лѣченіи большинства болѣзней одни препараты латинской кухни недостаточны: необходимо воздѣйствіе на душу, необходимо внушить больному возможность исцѣленія его недуга. Доказано также безспорными фактами, что воздѣйствіе на душу исцѣляло нерѣдко такихъ больныхъ, по отношенію къ которымъ лѣкарства оказывались безъ всякаго вліянія. Даже самые отчаянные скептики и невѣрующіе, имѣя на лицо факты этого рода, должны были признать, что воздѣйствіе на душу приводитъ подчасъ къ настоящимъ чудесамъ.

Среди средствъ воздѣйствія на душу больного первое мѣсто должно быть отведено молитвѣ. Безспорное вліяніе молитвы на многихъ больныхъ и исцѣленіе путемъ молитвы — это факты, которые современная медицинская наука признаетъ вполне.

Цѣлебное дѣйствіе молитвы было извѣстно съ древнѣйшихъ временъ. Изложеніемъ документально засвидѣтельствованныхъ фактовъ такого ея дѣйствія, начиная съ исцѣленія по молитвѣ Моисея сестры его Маріамъ отъ проказы (Числь XII, 10 — 15), до многочисленныхъ случаевъ исцѣленія посредствомъ молитвы въ наши дни, можно было бы наполнить цѣлые томы.

Замѣчательнѣйшее мѣсто касательно врачебной науки находится въ 38 главѣ книги Премудрости Иисуса сына Сирахова. Премудрый совѣтуетъ обращаться къ помощи врача, но помнить, что исцѣленіе рукою врача подаетъ Господь, Верховный Врачъ и Создатель врачей: «дай мѣсто врачу, ибо онъ нуженъ» (ст. 12), но «молись Господу, и Онъ исцѣлитъ тебя» (ст. 9). Въ этихъ словахъ кратко и ясно указывается на великое значеніе молитвы, какъ благодатнаго средства, могущественно содѣйствующаго естественному врачеванію болѣзней, а въ иныхъ случаяхъ даже единственнаго и послѣдняго средства для спасенія больного отъ преждевременной смерти. Въ послѣднее время на цѣлебное значеніе молитвы обратили вниманіе и врачи. Между прочимъ, докторомъ Э. Лораномъ, въ сочиненіи, переведенномъ и на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Медицина души», доказывается, что молитва есть великое цѣлебное средство при всѣхъ болѣзняхъ тѣла и души. Многолѣтній врачебный опытъ и глубокое знаніе человѣческой природы привели автора къ этому выводу. «Когда человѣкъ, обладающій сколько-нибудь чуткимъ сердцемъ,—говоритъ онъ,—исполнялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обязанности врача, то душа его неизбѣжно должна проникнуться безмѣрнымъ состраданіемъ и безконечною жалостью къ ближнимъ. Онъ видѣлъ столько несчастныхъ, терзаемыхъ, мучимыхъ болѣзнью! Онъ видѣлъ, какъ люди становятся малодушными, робкими и слабыми, подобно дѣтямъ, какъ они стонутъ и трепещутъ въ виду приближенія не знающей состраданія смерти. Какова бы ни была сила привычки, какъ бы врачъ ни былъ преданъ наукѣ, какъ бы ни была сосредоточена мысль его на вопросахъ, подлежащихъ ея разрѣшенію, отъ котораго зависитъ участь милліоновъ людей, все таки онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ при видѣ такихъ страданій и такихъ ужасовъ. Его душа не черствѣетъ, но проникается любовью и состраданіемъ къ человѣческимъ бѣдствіямъ. Онъ становится снисходительнымъ, прощаетъ всѣ слабости человѣческія, начинаетъ понимать всѣ аномаліи человѣческой природы. Онъ старается подать помощь, облегчить страданія и утѣшить больного, скрыть отъ взоровъ умирающаго приближеніе смерти, усладить его послѣднія, страшныя минуты. Всѣ способности и средства употребляются имъ для поддержанія надежды и мужества несчастнаго страдальца, стоящаго передъ отверстой могилой. Ему нѣтъ дѣла до того, что онъ на минуту отрѣшается отъ строгихъ догматовъ науки, если только это ведетъ къ исцѣленію или облегченію страданій». Врачъ не можетъ упускать изъ виду, что радость и надежда суть лучшія лѣкар-

ства противъ всевозможныхъ недуговъ, и что если врачу удастся воодушевить ими больного, то во многихъ случаяхъ это принесетъ послѣдному больше пользы, чѣмъ всѣ другія средства. Извѣстно, какое огромное значеніе при всѣхъ болѣзняхъ вообще и нервныхъ въ особенности имѣетъ сила убѣжденія, нравственная увѣренность больного. Выходя изъ этихъ показаній опыта, не трудно понять возможность случаевъ, когда, основанная на твердой вѣрѣ, идущая отъ сердца молитва оказывается могущимъ цѣлебнымъ средствомъ, дѣйствіе котораго простирается не только на душу, но и на тѣло. Предохраняя отъ нравственныхъ страданій и отъ душевнаго разслабленія, молитва могущественно содѣйствуетъ укрощенію самыхъ упорныхъ недуговъ, душевныхъ и тѣлесныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если посредствомъ молитвы душа можетъ возвыситься надъ бреннымъ, немощнымъ тѣломъ, то не слѣдуетъ ли отсюда, что она можетъ также восторжествовать и надъ тѣлесными страданіями и даже остановить дальнѣйшій ходъ болѣзни или существенно измѣнить его? Факты — налицо, а предъ ними теряютъ силу самая упорная сомнѣнія, хотя бы факты эти оставались необъяснимыми (д-ръ Лоранъ. «Медицина». Переводъ Вольфсона. Спр. 1896. Стр. 3—4, 38 и сл.).

Но самый существенный взглядъ на цѣлебное вліяніе молитвы еще съ другой стороны. «Въ словѣ Божіемъ, есть прямая указанія на то, что молитвою привлекается врачующая благодать Божія, которая собственно и исцѣляетъ больного, та именно животворная божественная сила, посредствомъ которой исцѣляли больныхъ св. апостолы». Такое, между прочимъ, мнѣніе высказываетъ И. Кирсановъ въ статьѣ, посвященной этому вопросу на страницахъ «Душеполезнаго Чтенія». «Цѣлебное вліяніе молитвы, — говоритъ названный авторъ, — есть фактъ производный, есть лишь слѣдствие того, что молитва приводитъ человѣка въ соприкосновеніе, въ связь съ Безконечнымъ Существомъ, источникомъ жизни, радости и силы».

При этомъ какъ представители медицинской науки, такъ и богословы признаютъ, что цѣлебное дѣйствіе молитвы возможно только при искренней вѣрѣ больного въ силу молитвы. У иныхъ эта вѣра имѣется уже съ дѣтства, у другихъ она только возникаетъ подъ вліяніемъ болѣзни или подъ вліяніемъ лицъ — будь это священникъ, врачъ — умѣющихъ авторитетно внушить эту вѣру. Необходимо, однако, чтобы внушающій самъ твердо вѣрилъ: его вѣра, точно электрической токъ, передается больному. Въ этомъ отношеніи роль священника — какъ косвеннаго исцѣлителя — громадна: въ про-

никнутомъ вѣрою священникъ больной находить во многихъ случаяхъ лучшаго врача, который въ состояніи облегчить сердце и душу больного отъ всѣхъ страданій и огорченій, утѣшить страждущаго, подкрѣпить его, наполнить его надеждой, радостью — и въ результатѣ совершить исцѣленіе. «Молитва вѣры спасетъ болящаго», — говорится въ посланіи св. апостола Іакова. Наука, къ концу XIX столѣтія, признаетъ эти слова безусловно вѣрными ¹⁾).

Докторъ Н. Ивановскій.

Освященіе Суворовской церкви.

23-го марта на Преображенскомъ плацу, на томъ мѣстѣ его, гдѣ высятся теперь скромная по архитектурѣ, но богатая своимъ великимъ внутреннимъ значеніемъ церковь, было совершено молебствіе передъ началомъ работъ по сборкѣ частей церкви, только что привезенныхъ изъ села Кончанскаго, и сложенныхъ въ разобранномъ видѣ вблизи мѣста постройки.

Вчера 3-го мая совершилось торжественное освященіе возстановленной церкви, и отнынѣ новый въ нашей столицѣ храмъ во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго — *Суворовская церковь*, — какъ его назоветъ вся Россія, будетъ привлекать къ себѣ многочисленныхъ богомольцевъ и почитателей великаго имени нашего незабвеннаго полководца.

Святѣйшии храма, передъ которыми смиренно молился слабый тѣломъ, но мощный вѣрой въ Бога и въ любви въ Царю и родинѣ, герой, будутъ укрѣплять духовную сторону длиннаго ряда поколѣній нашего воинства и въ томъ числѣ получающихъ высшую военную подготовку въ сосѣднемъ съ Суворовской церковью зданіи — въ Николаевской академіи генеральнаго штаба.

Торжество освященія церкви, по положенному для сего особому чину, началось въ 10 часовъ утра и было совершено протопресвитеромъ военнаго и морскаго духовенства Желобовскимъ, въ сослуженіи съ отцомъ Іоанномъ Бронштадскимъ и другимъ духовенствомъ, среди котораго находился также о. Левъ Матвѣевъ, бывшій настоятелемъ церкви въ с. Кончанскомъ ²⁾). Въмѣсто причастнаго стиха пѣвчими былъ исполненъ тотъ самый концертъ Бортнянскаго, на 90 псаломъ «*Живѣй въ помощи Вышняго*», который

¹⁾ «Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ», № 9, стр. 110—112.

²⁾ См. № 66-й «Русскаго Инвалида».

былъ исполненъ на похоронахъ Суворова. По окончаніи литургіи и передъ началомъ молебствія протопресвитеромъ было сказано слово, поучительно указующее на значеніе знаменательнаго торжества освященія церкви:

«Привѣтствую васъ, христілюбивые воины, а съ вами и всѣхъ, здѣсь присутствующихъ, богомольцевъ, съ обновленіемъ и освященіемъ храма, имѣющаго особое значеніе для каждаго россіянина, и паче всего для русскаго воина. Въ стѣнахъ этого скромнаго храма, назадъ тому сто лѣтъ, молился великій Суворовъ: подъ сѣнь сего молитвеннаго дома самъ онъ колокольнымъ звономъ созывалъ окрестныхъ жителей; здѣсь въ стѣнахъ этихъ онъ читалъ и пѣлъ на службахъ Божіихъ; здѣсь до сего дня сохранилось много священныхъ предметовъ, которые безмолвно, но краснорѣчиво вѣщаютъ, что Суворовъ—великій полководецъ—виѣстѣ съ тѣмъ былъ и великій христіанинъ.

Нашъ Богъ нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ; и для любви христіанской никто не умираетъ. И нашъ Суворовъ, для каждаго истинно русскаго, будетъ въ память вѣчную

Многочисленные памятники въ разныхъ мѣстахъ поставленные, и нынѣ вновь воздвигаемые въ честь Суворова, изображаютъ его, какъ непобѣдимаго героя: сей скромный храмъ, изъ глуши и запустѣнія перевезенный въ многолюдный градъ столичный, и помѣщенный близъ разсадника вышшаго военнаго просвѣщенія¹⁾, являетъ намъ его, какъ доблестнаго воина Царя Небеснаго. Этотъ храмъ, по нашему разумѣнію, долженъ стоять выше всѣхъ иныхъ памятниковъ, долженъ быть вѣнцомъ ихъ.

Великій Суворовъ глубоко понималъ, какая могучая, несокрушимая сила кроется въ религіи: церковь для него была мать—и питающая, и вразумляющая, и утѣшающая; въ минуты жизни трудныя (и у него онѣ были)—въ минуты жизни трудныя, въ церкви искалъ онъ поддержки и укрѣпленія, искалъ—и находилъ. Молитву домашнюю и церковную, праздники и уставы Божіи ставилъ выше всего, и вѣрнымъ сыномъ церкви былъ—и въ деревнѣ, и въ столицѣ, и въ мирное, и въ бранное время.

Представители и вожди христілюбиваго всероссійскаго воинства! И сами вѣдайте, и меньшей братіи вѣщайте, что «религія есть основа и мужества, и честности, и доброты». Усердно прошу васъ, не забывайте «Суворовской церкви»: въ ней такъ много поучительнаго и назидательнаго. Весьма желательно, чтобы нижніе чины посѣщали иногда храмъ любимаго русскаго ге-

¹⁾ Академія генеральнаго штаба.

роя, своими глазами посмотрѣли святая иконы, предъ коими колѣнопреклонный молился Суворовъ, божественныя книги, которыя онъ читалъ, звоницу, на которой онъ звонилъ. Иное дѣло слышать, иное дѣло читать, и совсѣмъ иное—самому видѣть. Что видишь, то врѣзывается въ душу и глубоко, и надолго.

Суворовъ и словомъ и дѣломъ воспитывалъ въ войскахъ любовь къ Богу, Царю и Отечеству, и воины его были «чудо-богатыри.» Будемъ твердо помнить и не забывать, что доколѣ вѣра въ Бога въ арміи крѣпка, дотолѣ она непобѣдима».

По окончаніи богослуженія отецъ Іоаннъ Бронштадтскій раздавалъ присутствующимъ въ церкви крестики, сдѣланные изъ случайныхъ остатковъ дерева, образовавшихся при перестройкѣ алтаря церкви.

На богослуженіи присутствовали военный министръ, члены государственнаго совѣта генералъ отъ инфантеріи Ганецкій и команвующій войсками Кавказскаго военнаго округа, потомки генералиссимуса, члены комиссій Суворовской и строительной по сооруженію зданій академіи, профессора академіи, офицеры, окончившіе въ семь году курсъ академіи и другія лица, среди которыхъ упомянемъ четырехъ крестьянъ изъ с. Кончанскаго.

Маленькая церковь далеко не могла вмѣстить въ себѣ всѣхъ лицъ, прибывшихъ на торжество освященія.

Противъ церкви, въ особомъ шатрѣ, были размѣщены для обозрѣнія предметы, поступившіе пока для Суворовскаго музея; здѣсь находились польскія знамена и литавры, взятая въ 1794 году при штурмѣ Праги, пушка изъ числа отбитыхъ въ 1799 году у французовъ въ сраженіи при Нови, вещи присланныя новгородскимъ губернаторомъ графомъ Медемомъ¹⁾, бронзовый бюстъ А. В. Суворова работы Гишара, витрина съ орденами генералиссимуса, его посмертной маской, портретами и т. д.. Особенно приковывалъ къ себѣ вниманіе помѣщенный надъ витриной великолѣпный по живости изображенія портретъ Суворова, переданный председателю суворовской комиссіи барономъ Бюлеромъ во временное пользованіе²⁾,—единственная копія Шмидта съ портрета, писаннаго имъ съ натуры въ 1800 г.

Не взирая на непривѣтливую погоду многочисленная толпа народа стояла вокругъ церковной ограды во все время богослуженія³⁾.

¹⁾ См. № 97 «Русскаго Инвалида».

²⁾ См. № 78 «Русскаго Инвалида».

³⁾ «Русскій Инвалидъ» № 96.

Подвигъ рядового Дудатьева ¹⁾.

Въ декабрѣ 1852 года на Кавказѣ два хищника, напавъ ночью на рядового драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка Ивана Дудатьева близъ полковой штабъ-квартиры, увели его въ непокорное селеніе Міатлы. Тамъ онъ содержался сперва въ ямѣ, а потомъ пользовался нѣкоторою свободою, изыскивая случай къ побѣгу. Въ концѣ декабря такимъ точно образомъ два хищника увели въ плѣнъ унтеръ-офицера того же полка Петра Готовицкаго. Они привели его въ с. Міатлы и, заковавъ въ кандалы изъ горячаго желѣза, посадили въ яму, но когда замѣтили, что онъ отъ такого содержанія заболѣлъ, то, боясь лишиться за него выкупа, помѣстили его въ саклѣ. Въ одинъ вечеръ, признанный болѣе удобнымъ къ побѣгу, Дудатьевъ назначилъ Готовицкому мѣсто и когда послѣдній вышелъ подъ надзоромъ женщины на дворъ сакли, то Дудатьевъ, пользуясь темнотою, взялъ Готовицкаго, который былъ въ кандалахъ, на плечи и бѣжалъ съ нимъ къ рѣкѣ, въ которой и скрылись.

Въ селеніи скоро сдѣлалась тревога, и когда преслѣдовавшіе миновали ихъ, то они, повернувъ въ противоположную сторону, скрылись въ густомъ лѣсу. Дудатьевъ разбилъ бывшія на Готовицкомъ кандалы и черезъ шесть дней оба они прибыли въ Евгениевское укрѣпленіе. Все это время Дудатьевъ несъ Готовицкаго на себѣ, потому что онъ, имѣя на ногахъ раны отъ кандаловъ и будучи при томъ въ послѣднее время изнуренъ голодомъ, не могъ идти.

Государь Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ Дудатьеву серебряную медаль съ надписью «за спасеніе погибавшихъ», 150 руб. сер. и повелѣлъ похвальный поступокъ его сдѣлать извѣстнымъ по арміи.

А. Баньковскій.

Послѣ службы на родину.

Разсказъ полковаго священника.

(Отправленіе и прибытіе запасныхъ).

(окончаніе).

II.

Воинскій начальникъ не задержалъ долго запаснымъ: зналъ онъ хорошо, что каждый изъ нихъ торопился въ родную деревню. Хоть не сладко приметъ ихъ деревня со своими пустыми шами (а кашей-то только по празд-

¹⁾ Развѣчикъ, № 489, 1900 г.

никамъ, да въ большую работу), тѣмъ не менѣе первое чувство каждаго возвращающагося, послѣ болѣе или менѣе продолжительной разлуки съ близкими, подъ свой родной кровъ—вполнѣ понятно, и даже заслуживаетъ полнаго одобренія.

Кому не мила родина?.. Кому не дорогъ не то что смежный съ деревней лѣсокъ, а каждый кустикъ около родной хаты? Не только рѣчка, а каждый ручеекъ, по которому въ дѣтствѣ пускали бумажные кораблики?.. Покривившаяся избушка послѣдняго бобыля памяти и интереснѣе трехэтажнаго дома городского богача.

Не закружили эти чувства,—чувства любви ко всему, что близко стоитъ къ его колыбели—родинѣ,—и у солдатика... Часто вспоминаетъ онъ дорогія его сердцу картины своей родной деревни. Еще чаще приходятъ ему на мысль въ досужее время (за дѣломъ онъ все забываетъ,—некогда зѣвать) старики, отецъ съ матерью, изнемогающіе подъ тяжестью непосильной работы въ борьбѣ съ нуждой; маленькіе братишки и сестренки, съ 8-ми лѣтняго возраста втягиваемые во всю работу.

Вспоминаются ему и наставленія родительскія: «служи, сынокъ! служи на пользу Батюшкѣ—Царю, веди себя честно-благородно,—не срами моихъ сѣдыхъ волосъ, не вороши костей матери въ могилѣ, жива была—не на худое тебя наставляла... Смотри же, сынокъ, больно мнѣ будетъ, какъ прослышу про тебя что худое!».. И прослезится втихомолку «сынокъ»... Но это не—слезы слабости, а слезы умиленія, слезы гордости за своего простого, но честнаго отца.

Чувства любви къ родинѣ—чувства достойныя, чувства истинно-патріотическія, чувства любви ко всему отечеству.

Одинъ извѣстный проповѣдникъ, поучая слушателей своихъ преданности Вѣрѣ Христовой и любви къ храму Божію, сказалъ въ заключеніе: «кому Церковь не мать, тому Богъ не Отецъ»!.. То же, сравнительно, можно сказать и про любовь къ родинѣ и преданность Царю: «кому родина не мать, тому Царь не Отецъ»!..

Дорога каждому русскому родина, дорогъ Царь... Не продастъ онъ родины, не измѣнитъ Царю... Велика ты, Русь, наша родина! Сильна ты любовью народной къ заветнымъ святынямъ: Вѣрѣ Православной отеческой, Монарху-Солнышку красному и родной землѣ-кормилицѣ матушкѣ.

Но возвратимся къ нашимъ запаснымъ, которые выходили изъ канцеляріи воинскаго начальника.

Ужъ дѣло близко и къ ночи... нѣкоторые ночью и въ путь хотѣли тронуться. Кокуринъ съ Осиповымъ заглянули на постоянный дворъ, гдѣ имѣли обыкновеніе останавливаться Поддубьевскіе мужики... никого изъ односельчанъ не было; а написать въ деревню о времени пріѣзда не написали. Да и скоро ли «почта» доходить до деревни, которая отстоитъ отъ города въ 28 ми верстахъ!.. Дѣло извѣстное: волостной писарь дастъ письмо мужику изъ ближайшей деревни, а у мужика оно двѣ недѣли проваляется въ карманѣ, пока онъ не найдетъ «случай» побывать въ той деревнѣ, куда письмо адресовано; а, глядишь, ужъ и самъ тотъ пріѣхалъ, кто письмо писалъ: Кокуринъ съ Осиповымъ отлично это знали, потому больше и не писали. «Зачѣмъ зря (даромъ) копѣйку тратить, когда сами ѣдутъ. Да еще и любопытнѣе какъ-то невзначай-то нагрязнуть; а ходули-то (ноги) еще не отвалились у нихъ; пожитки тожъ не вѣсть какіе,—по какому-нибудь пуду». И они рѣшили, переночевавъ на постояломъ дворѣ, на другой день раннимъ утромъ направиться въ родное Поддубье. Однако рано выйти имъ не пришлось: хотѣлось что-нибудь роднымъ и въ гостинецъ принести.

Не велики солдатскія деньги,—откуда имъ быть?.. Правда, Кокуринъ, какъ взводный, получалъ въ послѣдніе полтора года (какъ былъ назначенъ взводнымъ) по полтора рубля въ мѣсяцъ казеннаго жалованья, которое почти полностью и сохранялъ. Скупенекъ былъ Лексѣй Семенычъ, и даже табакъ не курилъ,—что его товарищи-унтеры, подсмѣиваясь, объясняли скупостью; хотя онъ и въ дѣйствительности къ табачному дыму совсѣмъ не чувствовалъ расположенія. Водки, кромѣ «казенной» по положенію—въ царскіе дни, или послѣ удачныхъ смотровъ—никогда не пилъ.

Такъ и смотрѣлъ онъ домовитымъ хозяиномъ... У него въ шкафчикѣ было, кромѣ необходимаго по требованію начальства, т. е. сапожныхъ щетокъ и другихъ принадлежностей солдатскаго обихода, много кой-чего и лишняго, напр., маленькая щеточка для приглаживанія волосъ и усовъ,—не говоря уже о платяной щеткѣ, которою онъ усердно послѣ уборки чистилъ свой старенькій мундиръ и штаны. Все это продѣлывалъ онъ непремѣнно собственноручно, точно также и чистку сапогъ, ни въ какомъ случаѣ не доверяя этой работы за себя кому-нибудь изъ рядовыхъ своего взвода.

— «Позвольте, Лексѣй Семенычъ; я вамъ почищу»,—скажетъ иной.

— «А свои вычистилъ?.. Смотри, такъ чтоль чистятъ?—чисти хорошенче»,—скажетъ онъ для отвода.

Кокурина младшіе солдаты, какъ сказано было раньше, очень любили;

такъ что за предложеніемъ своихъ услугъ со стороны одного сейчасъ же слѣдовали другія.

— «Позвольте, Лексѣй Семенычъ, я!.. Я свои хорошо начистилъ», — кричали наперерывъ другіе...

— «Ни въ какомъ разѣ», — объяснялъ наконецъ причины своего отказа Кокуринъ: «на что жъ я буду опослѣ годиться, коли излѣнюсь, да въ барство брошусь... Что-жъ ты за меня и въ деревню послѣ службы пріѣдешь работать, а я на печи буду лежать»?...

Послѣ нѣсколькихъ объясненій такого рода солдатика оставили «своего Лексѣя Семеныча» въ покоѣ, хотя старались во всякое время оказывать ему мелкія услуги и всѣ знаки своей любви и уваженія.

Кокуринъ, благодаря своей бережливости, и послѣ покупки новаго щеголевататаго мундира и шинели «на выходъ», ¹⁾ имѣлъ нѣсколько рублей, которые онъ и рѣшилъ израсходовать на подарки роднымъ, начиная съ отца. Отецъ, не смотря на строгое отношеніе къ сыну, очень любилъ его по своему и даже два раза въ годъ (къ празднику Рождества Христова и Свѣтлому) присылалъ своему Алексѣю по три рубля.

Послѣ довольно продолжительнаго путешествія по лавкамъ Кокуринъ съ Осиповымъ возвратились на постоянный дворъ.

У Кокурина были: теплая шапка отцу, платокъ матери, кушакъ брату-подростку и ситецъ на передникъ сестрѣ-дѣвицѣ; маленькіе братишки и сестренки должны были довольствоваться нѣсколькими леденцовыми, крашеными пѣтушками. И даже послѣ подарковъ осталось нѣсколько рублей, которыми онъ рѣшилъ удивить своего отца Семена Данилыча: мнѣніемъ отца о себѣ онъ очень дорожилъ, а оставшіеся рубли должны были служить отцу несомнѣннымъ доказательствомъ скромнаго поведенія сына на службѣ и бережливости.

Но какъ у Осипова оказались деньги на подарки, понять трудно... Знать (должно-быть) сильно любилъ Иванъ мать свою, если сколотилъ цѣлыхъ полтора рубля на шерстяной платокъ ей; да еще и братишкѣ младшему букварь купилъ, не безъ тайкой надежды и самому по этому самому букварю обучиться хотя немножко грамотѣ: изъ опыта, на службѣ, онъ зналъ, какъ много вредитъ человѣку неграмотность... Старшій братъ былъ въ Питерѣ

¹⁾ Многіе изъ солдатъ, уходящихъ по окончаніи службы на родину, не довольствуясь выдаваемымъ отъ полка обмундированіемъ — по большей части довольно повешеннымъ, — покупаютъ, дѣлая на заказъ, новый мундиръ и шинель, чтобы щеголеватѣе явиться на родину; это называется покупка «на выходъ», т. е. предъ уходомъ изъ полка.

на работѣ, такъ что могъ обойтись безъ подарка. Этому обстоятельству Осиповъ даже былъ радъ, потому что иначе онъ былъ-бы въ большомъ затрудненіи: у него оставалось только нѣсколько копѣекъ въ карманѣ, а между тѣмъ и брата обидѣть нельзя было бы...

Пришлось-бы оторвать отъ подарка матери по крайней мѣрѣ полтинникъ на кушакъ брату, а этого очень и очень не хотѣлось Осипову: покупка большаго шерстянаго платка мнтери была его завѣтною, давно лелѣянною, мечтою; и онъ уже заранѣе предвкушалъ удовольствіе видѣть свою родимую матушку въ новомъ, купленномъ сыномъ на трудовыя (Осиповъ былъ сапожникомъ—самоучкой, хотя его знанія по этой части не шли дальше постановки заплатъ на сапоги) имъ самимъ заработанныя въ досужее время деньги, большомъ платкѣ, который матушка обновить, когда пойдетъ въ церковь (непремѣнно только тогда).

Церковь была отъ деревни хотя только въ двухъ верстахъ, тѣмъ менѣе большой головѣ его старухи—матери не мало доставалось въ морозы и вѣтеръ и за эти двѣ версты... Въ церковь чтоль изъ за платка не ходить?.. Нѣтъ, на это ни за чтобъ не согласилась богомольная Нениловна. «Вѣдь кто-же ей и помогъ, какъ не Господь Милосердый, поставитъ на ноги троихъ сыновей малъ-мала меньше, когда покойный Григорій Осипычъ (царство ему небесное!) надорвался, поднимая упавшій возъ, похирѣлъ немного, да и Богу душу отдалъ, оставивъ послѣ себя вдовою Нениловну да троихъ несмышленныхъ сынишекъ»!..

Много поплакала Нениловна, въ безсонныя ночи обдумывая свою горькую сиротскую долю... Поплачетъ—поплачетъ, да встанетъ-помолится предъ иконою Владычицы:

— «Царица Небесная!.. Матушка ты наша Заступница!»... по нѣсколько разъ повторяла она свою краткую, но сердечную молитву... И часто, часто слышался этотъ скорбный вопль къ Небесной нашей покровительницѣ во время безмятежнаго сна малютокъ...

И Господь никогда въ большой нуждѣ не оставлялъ Нениловну, хорошо помнить она это... Какъ-же ей послѣ того не ходить въ храмъ Божій, не благодарить Создателя? ..

III.

«Запасные, запасные идутъ!»... кричали подпрыгивая ребятишки, встрѣтивъ у околицы (края деревни) входящихъ подъ вечеръ въ деревню Поддубье Кокурина съ Осиповымъ... «Алексѣй Семена Данилина, да Иванъ

Ненылихинъ» (хотя кромѣ ихъ двоихъ запасныхъ въ деревнѣ и не ожидалось), пояснили они... «Нарядные такіе!» торопливо сообщали они своимъ родителямъ, возвращаясь бѣгомъ опять навстрѣчу землякамъ.

— «О, чтобъ вамъ... угорѣлые! Ровно пожаръ случился... Ну такъ чтожъ?».. заявляли вѣстникамъ свѣжей новости отцы и матери. А между тѣмъ-не было, кажется, ни одной избы, гдѣ-бы не отворилось окошко любопытныхъ хозяевъ; не говоря уже о женщинахъ, изъ которыхъ многія, набросивъ, что попало, на плечи, выбѣгали къ воротамъ поглазѣть на прибывшихъ....

Кокуринъ съ Осиповымъ проходя по деревнѣ, какъ вѣжливые кавалеры, почтительно снимали фуражки, издали здороваясь съ сосѣдами.

— «Вишь ты, вишь... какіе хорошіе ребята-то, не гордые!» замѣчали по этому случаю бабы. «Не то что наши мужики: тѣ еще батюшкѣ-то снимаютъ шапки, а ужъ, примѣрно, дьячку Никанору Прокофичу ни въ жисть первые не поклонятся. А вѣдь тоже церковный человекъ-то, — при храмѣ Божьемъ завсегда, и службу свою оченно даже хорошо править; да и заслуженный, — ужъ, почитай (почти) двадцать годовъ у насъ... Право — сѣрота! учить-то насъ некому»... И бабы охотно отвѣшивали поклоны въ отвѣтъ на привѣтствіе нашихъ кавалеровъ, Кокурина съ Осиповымъ. «Здравствуйте, родимые!» прибавляли онѣ вполголоса.

Наконецъ усталые путешественники наши добрались и до своихъ хатъ...

— «Ванюшка!.. Родной ты мой!» повисла на шеѣ Осипова, едва онъ успѣлъ перекреститься при входѣ въ избу, Нениловна... «Слава Тебѣ Создателю!» перекрестилась она. «Живехонекъ, здоровехонекъ вернулся. Ужъ безпремѣнно въ то воскресенье молебень благодарственный батюшкѣ закажу»..

Встрѣча Кокурина была въ другомъ родѣ, — торжественная и поучительная даже для посторонняго зрителя.

При входѣ онъ, конечно, истово нѣсколько разъ перекрестился на иконы, — чего никто изъ домашнихъ не смѣлъ прервать: отецъ Кокурина Семень Данилыч любилъ во всемъ порядокъ.

— «Здравствуйте!» поклонился онъ низко своимъ родителямъ... И ужъ только послѣ этого начались родственныя привѣтствія и цѣлованія...

— «А со мной-то, братецъ, а со мной-то!» тянулись къ нему маленькіе братишки и сестренки.

Семень Данилычъ не разрѣшилъ однако очень долгихъ сердечныхъ изліяній.

— «А скажи-ка, сынъ мой любезный, честно-ли и благородно ты, со-

вершилъ службу свою Царю-Отечеству?), прервалъ онъ домашнихъ... «Не осрамилъ-ли себя чѣмъ передъ начальствомъ?... Не ударялся ли когда въ пьянство или прочее безобразіе?»...

Всѣ эти вопросы были надуманы имъ раньше, а теперь задавались больше только для проформы, потому что новенькій унтеръ-офицерскій мундиръ, три нашивки на погонахъ и знакъ за отличную стрѣльбу на груди—свидѣтельствовали о томъ, что сынъ службу свою Царю-Отечеству «совершилъ» вполне честно и благородно.

— «Такъ точно, батюшка!.. Кажись все старался какъ лучше... И начальство одобряло завсегда»,—почтительно отвѣчалъ сынъ.

— «Т-ото, то-то, сынокъ»,—смягчилъ свой строгій тонъ родитель. «Бога почиталъ-ли выше всего, и завсегда ли Его Святое Имя въ умѣ памятовалъ?»—продолжалъ допрашивать сына Семень Данилычъ.

— «Какъже-съ, какъже-съ, батюшка; безъ этого никакъ невозможно... И въ церковь Божию постоянно, значить, со всѣми; окромѣ какъ развѣ когда по службѣ нельзя», смиренно докладывалъ отцу Кокуринъ.

— «Поди жъ ко мнѣ, Алешенька»,—окончательно смягчился суровый навидъ мужикъ... «Я тебя поблагословлю и напередъ такъ дѣлать... И поклонъ тебѣ отъ всѣхъ насъ, что нашъ родъ не оконфузилъ, а даже предвозвысилъ (скользнулъ его взглядъ по мундиру); мой отецъ, а твой дѣдушка, Данила Ларивонычъ (царство ему небесное!) только ефлеторомъ былъ; а я и вовсе не служилъ»... Семень Данилычъ поклонился своему сыну въ поясъ... «А теперь помолимся Господу Богу, что помогъ тебѣ службу править хорошо и здоровье сохранить»...

Сейчасъ-же зажгли лампаду передъ иконами. Семень Данилычъ прочиталъ вслухъ «Отче нашъ и Богородицу» (двѣ молитвы, которыя онъ и зналъ), а сына заставилъ прочесть молитву за Царя. Сдѣлавъ затѣмъ три земныхъ поклона, онъ еще разъ поцѣловалъ сына и заставилъ то же продолжать съ нимъ всѣхъ членовъ своей семьи.

Этимъ торжественнымъ вступленіемъ Семень Данилычъ какъ бы снова принималъ сына въ свою семью, еще болѣе достойнымъ членомъ которой онъ опять дѣлался.

Все это онъ, повидимому, считалъ священной родительскою обязанностью. Скромное поведеніе и вниманіе сына при этомъ—ему вполне нравились. Пріятно было смотрѣть на эту патріархальную картину...

— «Ну, а теперь можно и потрапезовать, чѣмъ Богъ послалъ»,—разрѣ-

шилъ Семень Данилычъ. «Ты старуха (это относилось къ женѣ), что есть въ печи, все на столъ мечи; ты Дарюшка (сказалъ онъ пятнадцатилѣтней дочери) живо наставляй самоваръ! А ты, Ванятка (десятилѣтній сынъ), бѣги зови перво на-перво дядю Милая съ женой, потому онъ самая ближняя родня; потомъ дядю Микиту, крестнаго Алексѣева, и тетку Аграфену, крестную мать его-же. Да толкнись къ учителю къ своему Павлу Иванычу: скажи, «что, молю, дядя Лексѣй,—что (который) въ солдатахъ былъ,—пришелъ домой и что, молю, въ большихъ даже чинахъ и съ отличіемъ». Можетъ, онъ и не побрезгуетъ нашей компаніей, потому онъ завсегда объ тебѣ»,—обратился онъ къ сыну,—меня очень даже часто спрашивалъ... Хорошій, не гордый мужчина учитель Павелъ Ивановичъ!.. А я на случай даже и сладкой водочки припасъ; а ежели не будетъ пить, такъ медку къ чаю,—то этого то онъ ужъ, знаю, не откажется: завсегда опослѣ бани ко мнѣ посылаетъ за медомъ-то, и я ему вовсе задешево отдаю: нельзя,—Ванятка учится»...

Семень Данилычъ былъ степенный и зажиточный крестьянинъ; однако безъ толку копѣйку не любилъ бросать. Все необходимое въ крестьянскомъ обиходѣ у него было въ полной исправности; были даже и излишества вроде самовара напимѣръ; но наставлялся онъ въ самыхъ только торжественныхъ случаяхъ: въ большіе праздники, да развѣ когда уставшій батюшка «присядетъ» во время хожденія по деревнѣ съ молебнами... Еще болѣе торжественнымъ и радостнымъ событіемъ онъ, видимо, считалъ и прибытіе сына послѣ благополучнаго окончанія царской службы...

Разсказывали, между прочимъ, про Семена Данилыча, что онъ оставшуюся, послѣ закупки въ городѣ всего необходимаго (только необходимаго) для хозяйства, послѣднюю семерку (2 коп.) привозилъ домой, не расходуя ея на гостинцы маленькимъ ребятишкамъ... «Къ чему баловать? Не дворянскіе дѣти—не привычны къ тому»,—разсуждалъ онъ... «А копѣечка рубль бережетъ» (любимая его поговорка).

Дай Богъ, чтобы было побольше такихъ степенныхъ хозяевъ, какимъ былъ «крѣпкій» (такъ звали его всѣ въ деревнѣ) Семень Данилычъ!.. Прозвищемъ «крѣпкаго»,—въ смыслѣ человѣка твердаго, бережливаго и вмѣстѣ съ тѣмъ домовитаго,—(много у русскаго человѣка мѣткихъ словъ, выражающихъ сразу нѣсколько понятій) онъ даже, повидимому, гордился; да и было почему... Дай Богъ, чтобы побольше было на Руси такихъ «крѣпкихъ» крестьянъ!.. Такой бѣдности, а иногда и нищеты, не было бы: русскаго

крестьянина заѣдаетъ слабохарактерность и простота, которыми пользуются болѣе хитрые, завзятые пьяницы и всѣ, кому только нужно; онъ часто нуждается въ нравственной поддержкѣ и хорошемъ руководителѣ...

Семень Данилычъ—образецъ вполне желательнаго крестьянина. Онъ выпиваетъ, но только тогда, когда его другіе угощаютъ за какую-нибудь услугу (даромъ угощенія онъ не приметъ); на свои онъ пьетъ только въ большіе праздники, и то очень мало; не любитъ, когда и другіе много пьютъ. Всѣ причитающіяся на его долю подати онъ охотно и исправно платитъ; даже готовъ заимообразно внести за какую-нибудь вдову съ малолѣтними дѣтьми вродѣ Нениловны,—но за пьяницу и лѣбтяя копѣйки не заплатитъ.. Деревенскіе «міроѣды» его не любятъ: такіе крестьяне, какъ Семень Данилычъ—сильный противовѣсъ вредной дѣятельности «міроѣдовъ»¹⁾ и желательны въ бѣльшемъ числѣ. Онъ—врагъ траты общественныхъ, мірскихъ денегъ на вино; онъ не дастъ въ обиду сироту, если «міръ» (или вѣрнѣе одни только «міроѣды») захочетъ отнять какой-нибудь клочъ ея земли въ пользу сосѣда, обѣщавшаго поставить «міру» ведро (цѣлое ведро—шутка сказать!) вина... Если даже выдѣленіе куска земли не сопряжено съ обдѣленіемъ другого, а идетъ изъ общественной мірской земли,—онъ и въ этомъ случаѣ не уступитъ до тѣхъ поръ, пока имѣетъ возможность говорить противъ такого управленія общественными дѣлами. Къ такимъ благонамѣреннымъ вожакамъ обыкновенно примыкаютъ болѣе смѣлые изъ мірянъ, образуя такимъ образомъ партію, противъ «міроѣдовъ».

Справедливый, резонный человекъ, Семень Данилычъ: не дастъ онъ въ обиду ни другихъ, ни себя, ни мірскихъ интересовъ!... Не даромъ его постоянно выбирали «ходакомъ» (представителемъ отъ селенія на сторонѣ—въ разныхъ случаяхъ) по мірскимъ дѣламъ. И въ старосты многіе желали бы его выбрать, но всегда какъ-то такъ выходило, что выбирался другой, боялись, чтобы не «насълѣ» онъ очень на нихъ, т. е. не заставилъ-бы, пользуясь властью, дѣлать каждое дѣло по самой строгой справедливости. А этого, какъ ни странно, многіе почему то боялись... «Подикось съ нимъ тогда слади, какъ старостой-то будетъ!» говорили, почесывая затылки, самые благонамѣренные изъ поддубьевцевъ, сами не понимавшіе своей пользы....

¹⁾ «Міроѣдами» называются крестьяне известнаго селенія, старающіеся захватить права главенства на мірскихъ сходкахъ, но дѣйствующіе чаще всего въ ущербъ мірскимъ интересамъ и общественной пользѣ.

IV.

Раньше приглашенные «на встрѣчу» сына родной братья Семена Данилыча—дядя Милай (по просту Милай, безъ прибавленія «Данилычъ»: въ деревнѣ по имени и отчеству зовутъ только вполнѣ заслужившихъ такой почетъ; а дядя Милай—былъ хоть и роднымъ братомъ Семена Данилыча,—далеко не отличался степенствомъ брата) и дядя Никита весьма охотно явились на приглашеніе раздѣлить компанію, въ ожиданіи хорошаго угощенія...

Тетку Аграфену на сборище болѣе влекло любопытство: такой-ли крестникъ Алексѣй все степенный паренъ, и не испортился ли на службѣ; будетъ ли слушаться теперь отца, когда самъ ужъ въ чинахъ; и что онъ будетъ про службу рассказывать и про тѣ города, въ которыхъ живаль... и мало-ли чего повидаль крестникъ, что можетъ рассказать. Все это, знамо, любопытно послушать... (А вѣдь женскому любопытству и предѣла нѣтъ: все-то имъ нужно знать, что даже къ ихъ жизни совсѣмъ не имѣетъ никакого отношенія).

Дядя Милай и дядя Никита, кромѣ угощенія, ожидали рассказовъ, какъ Алексѣй ходилъ «подъ турку», и много-ль онъ положилъ этихъ нехристей и супостатовъ, и какой крестъ получилъ за свою храбрость... Хотя Семенъ Данилычъ никогда не упоминалъ о томъ, что его Алексѣй ходилъ подъ турку (потому-что этого и не было),—однако въ ихъ воображеніи и по ихъ понятіямъ каждый солдатъ непременно долженъ ходить «подъ турку».

Чего ожидалъ отъ компаніи учитель Павелъ Ивановичъ,—неизвѣстно; только и онъ «не побрезговаль» откликнуться на приглашеніе Семена Данилыча, и явился вскорѣ послѣ того, какъ Ванятка «толкнулся» къ нему.

Во времени его прихода на столѣ красовался ведерный самоваръ, штофъ водки, около котораго скромно приютилась полубутылка «сладкой»; нарѣзанная вареная жирная свинина (были послѣдніе дни мясоѣда предъ заговѣньемъ) въ глиняной чашкѣ, яичница на сковородѣ, ситный (бѣлый хлѣбъ; чернаго въ торжественныхъ случаяхъ у крестьянъ не полагается) большими ломтями въ деревянной чашкѣ и медъ на блюдечкѣ—дополняли угощеніе)....

— «Ну-ка, передъ чаемъ!» предложилъ Семенъ Данилычъ послѣ первыхъ привѣтствій. «Братъ, Милантій, наливай!» показалъ онъ на бутылки.

Дядя Милай давно уже и очень умильно поглядывалъ на стеклянную посуду съ содержимой влагою, а потому весьма охотно распорядился наполнить стаканчики.

— «Павелъ Ивановичъ, Алексѣй, кумъ,» пригласилъ хозяинъ. Дядю

Милая не нужно было просить,—онъ, торопливо перекрестившись, опрокинулъ уже свой стаканчикъ; а куму Аграфену съ Милаевой женою и не угощали: терпѣть не могъ хозяинъ видѣть даже, какъ бабы пьютъ. «И такъ-то у бабы ума немного, а ужъ послѣ рюмки и остатный пропадетъ»,—говаривалъ онъ.

Павель Ивановичъ отказался, кумъ съ Кокуринымъ выпили; за ними и хозяинъ, послѣ чего онъ собственноручно (у крестьянъ чай разливають мужчины) налилъ чашки чаемъ, отъ котораго не отказался и Павель Ивановичъ, любившій медъ.

Послѣ первой чашки повторили еще по стаканчику... Послѣ второй дядя Милай, уже и безъ приглашенія брата, налилъ по третьему....

— «Нѣтъ, довольно!» отказался Алексѣй Кокуринъ,—чѣмъ привелъ въ большое удивленіе дядю Милая, такъ что онъ до того растерялся отъ неожиданнаго отказа, что расплескалъ почти полстаканчика драгоценной для него влаги на столъ.

— «Да что ты, неужто вправду?» не повѣрилъ онъ племяннику. «Да какой же ты, къ примѣру, солдатъ, ежели больше двухъ стаканчиковъ выпить не можешь?»

— «Никакъ нѣтъ-съ, дядюшка Милантій Данилычъ (повеличалъ онъ дядю Милая изъ почтенія къ его лѣтамъ и родству); очень даже могу-съ, да не желаю,—потому не полагается: «первая чара во здравіе, вторая въ веселіе, а третья въ пьянство». Это я въ одной книжкѣ божественной, что нашъ батюшка давалъ, вычиталъ».

Дядя Милай, пьянѣвшій только послѣ пятой или шестой, никакъ не хотѣлъ согласиться съ этимъ.—«Павель Иванычъ!»—спросилъ онъ учителя,—«ты таки ученый человѣкъ-то,—богословію, говорятъ наши мужики, будто даже проходилъ. Правда-ли это въ книжкахъ божественныхъ прописано, что Лексѣй-то говорить?»

Павель Иванычъ подтвердилъ, что это дѣйствительно прописано.

— «Какъ же это такъ»? Не сдавался дядя Милай. «Коли ежели, примѣрно, я три выпилъ и даже не шатаюсь, а не то что валяться, или что такое»... размышлялъ онъ вслухъ.

Павель Ивановичъ на это объяснилъ, что послѣ третьей рюмки человѣкъ обыкновенно начинаетъ хмѣлѣть, и ему уже трудно удержаться отъ того, чтобы не напиться; а поэтому лучше пить только даже не двѣ, а одну; а еще лучше и не начинать вовсе.

Дядя Милай, испытавшій на себѣ, что лучше дѣйствительно совсѣмъ не начинать, потому что послѣ первой же рюмки никакъ не могъ удержаться отъ второй и слѣдующихъ, и въ концѣ концовъ напивался,—долженъ былъ согласиться съ Павломъ Ивановичемъ.

— «А вотъ какъ же, Павелъ Иванычъ... племянникъ, къ примѣру Лексѣй скажемъ; какой же онъ солдатъ, ежели передо мной пасуетъ насчетъ выпивки?» повернулъ онъ въ другую сторону.

— «А ужъ это самогó племянника и спроси: онъ лучше долженъ знать, почему онъ отказывается»,—кинулъ учитель на запасного унтеръ-офицера.

Кокуринъ, поставленный замѣчаніемъ Павла Ивановича въ необходимость дать отвѣтъ дядѣ Милаю хотя и доволенъ былъ этимъ, но въ то же время немножко растерялся, не зная, какъ бы ловчѣе—въ присутствіи учителя—поразить дядю Милая и въ то же время установить болѣе правильный взглядъ на солдата.

— «Да... казенную, конечно, пьемъ когда съ усталости»,—началъ онъ,—«оно даже какъ будто немного подбодряетъ... Ну а вообще... солдату пить даже никакъ невозможно, потому во всякое время можетъ начальство потребовать къ дѣлу: какой же, къ примѣру, я буду служака, ежели голову затемнилъ, хотя-бы даже и немного?... А какой примѣръ»,—совсѣмъ ободрился онъ, обдернувъ свой мундиръ,—«я дамъ младшему, которому всегда и во всемъ указкой долженъ быть? А молодой солдатъ глупъ, извѣстно, во всемъ смотритъ на старшóго; зачѣмъ же я себѣ грѣхъ на душу возьму, ежели смущу молодого, который, можетъ, дома и вовсе не пилъ?.. Вѣдь за это, полагаю, грѣхъ и передъ Богомъ будетъ; да и передъ родителями, которые сына-то держали въ страхѣ Божьемъ, вдали отъ всякаго соблазна, а его въ солдатахъ испортили»....

— «Это такъ, правильно!... какъ есть по Божески... одобряю»,—промолвилъ всегда молчаливый дядя Никита, крестный Кокурина. «Очень даже хвалю, потому... потому... да... это какъ есть»,—такъ и не докончилъ своей мысли не рѣчистый дядя Никита, самъ какъ будто-бы удивившійся тому, что совсѣмъ неожиданно для себя произнесъ такую длинную рѣчь.

Тѣмъ не менѣе одобреніе крестнаго и вниманіе прочихъ слушателей еще больше подбодрило Кокурина.

— «А какъ вы полагаете, дядюшка Милантій (разжаловаль онъ его): думаете начальство хвалить развѣ солдата за любовь, скажемъ, къ хмѣль-

ному-то зелью?... Вовсе даже нѣтъ. Возьмемъ перво на перво батюшку. Онъ вонъ даже про казенную-то, что начальство разрѣшаетъ, и то говоритъ, что ее лучше не пить, а получать деньгами, да чаю замѣсто водки-то попить; а слабому и смотрѣть-то на раздачу водки не слѣдъ, потому слабый не удержится,—другой и не пьющій выпьетъ... А ужъ какъ пьяныхъ батюшка нашъ не любитъ... У, у, у..! Какъ то было на послѣднемъ году въ Свѣтлую недѣлю, ходилъ по казармамъ съ молебнами, да увидалъ гдѣ-то пьянаго—на бревнахъ спалъ... Кучеру велѣлъ разбудить его; ужъ пушилъ-пушилъ его (говорилъ церковникъ), такъ что народъ сталъ останавливаться... А тому стыднехонько (проспавшись ужъ былъ), языка даже лишился, пучить только глаза... «Виноватъ», говорить, «батюшка»,—на-конецъ то промолвился, — «не буду!» А самъ думаетъ,—хоть подъ арестъ-бы сажалъ, да только отпустилъ-бы... «Тому ли», говорить (это батюшка-то), «я васъ учу?... Чай (не бось) и въ церкви не былъ, ежели ужъ къ полдню напился такъ, что на сонъ повело? И не обѣдалъ небось (все допрашиваетъ его), вѣдь здоровье свое губишь!»... И ужъ чего-чего не наговорилъ ему... Да запримѣтилъ про себя (начальству не донесъ),—видно на досугѣ еще хотѣлъ поучить; и тогда только отпустилъ, приказалъ въ команду идти. Такъ тотъ чуть не бѣгомъ отъ батюшки-то, потому народъ смѣется.. Умора просто!... А больше того обидно за наше званіе».

«И въ эскадронахъ-то во всѣхъ рассказалъ про это, — какъ это нехорошо, значить, быть на подобіе какъ-бы того животнаго, что ямы рыломъ роетъ. И намъ-то стыднехонько слушать, какъ батюшка-то сердится (потому очень рѣдко это съ нимъ бываетъ, — добрѣющій онъ у насъ), стоимъ ровно (словно) и мы виноватые.. А больше, вѣдь, изъ нестроевыхъ это: надзора за ними такого нѣтъ, да и балованный народъ; и усмотрѣть за ними трудно, потому въ разныхъ мѣстахъ... А мараль-то на всѣхъ пушаютъ и передъ народомъ (батюшка-то всѣхъ насъ знаетъ, а только для нравоученья больше говорить, чтобы и впередъ не было) гордскимъ»...

— «Вишь, вишь какъ наострился въ военной-то,—такъ и рубить»,—думалъ про сына Семенъ Данилычъ. «А вѣдь, бывало, какъ нѣмой ровно, молчить — слова не умѣлъ сказать путнаго, хоть и не дуракъ, кажись, былъ отъ роду».

— «Это какъ есть... знамо... тово... одно слово... какъ есть»,—вставлялъ среди рѣчи Кокурина молчаливый дядя Никита.

Павель Ивановичъ съ видимымъ интересомъ прислушивался къ разсужденіямъ; и даже дядя Милай въ душѣ признавалъ себя побѣжденнымъ и чувствовалъ какъ бы сконфуженнымъ.

— «А эскадронный развѣ похвалить за такое поведеніе?» — продолжалъ Кокуринъ. — «Никогда въ жизни. Ежели кто имѣетъ эту слабость, и взводнымъ не назначить, — довѣрять къ такому нѣтъ... А попадись самому командиру выпившій на улицѣ, — 20 сутокъ аресту и никакого разговору: 5 сутокъ за то что — пьянъ, да 15 за то, что въ этакоемъ безобразіи на улицу показался, срамить весь полкъ... Строгъ нашъ полковой-то, куда строгъ, коли что неладное запримѣтитъ!... Да и нельзя стало быть: всегда въ струнѣ нужно содержать такую уйму народу, чтобъ не разбаловались... Вѣдь и самъ каждый день въ 9-ть утра ужъ въ казармахъ, и каждую вещь самолично доглядаетъ: примѣръ, значить, всѣмъ показываетъ, какъ надо служить Царю Отечеству... Зря, напрасно, не обидить; а ужъ и въ худомъ чемъ спуску не дастъ. То и командиръ!»...

— «А вы, дядюшка Милантій, еще говорите: «что за солдатъ, который мало пьетъ». Попробуй-ка много-то! — Какъ есть худой изъ худыхъ будешь... Развѣ въ этомъ молодечество-то? Развѣ за это хвалятъ-то?... Вотъ ежели, примѣрно, въ ѣздѣ первымъ номеромъ быть», — звякнулъ онъ шпорами, — «али по стрѣльбѣ», — взглянулъ онъ себѣ на грудь. «Это — статья совсѣмъ особая... Али когда за тебя во всякомъ дѣлѣ, гдѣ нужно надежнаго человѣка поставить, начальство хватается... А къ тому, который имѣетъ слабость къ вину, будь какой хочешь бойкій или умный, — къ такому никогда довѣрять нѣтъ»...

— «Это какъ есть... правильно», — въ третій разъ подтвердилъ дядя Никита.

— «Молодецъ, Алеха!» — похвалилъ и Семень Данилычъ. «Выпьемъ по этому случаю еще по одному!»

— «Никакъ нѣтъ, батюшка! Никакъ даже невозможно, а тѣмъ больше послѣ такихъ разсужденій.. Въ чемъ другомъ слушать родительскаго приказа всегда готовъ, а въ этомъ даже и родителя могу послушаться, потому, по Божественному писанью выходитъ, что много пить грѣшно.. Почитай отца-мать, а Богъ выше всего».

— «Молодецъ, Алеша!» — еще разъ похвалилъ отецъ. — «Никакому искусенью не дается. Вѣдь это я такъ, для испытанья больше: хорошо, молъ, поетъ, а гдѣ-то садеть... Нѣтъ, вижу, что въ военной окромя какъ

хорошему ничему не обучаются... Вѣдь я и самъ николи къ нему приверженности-то не имѣлъ, — пропадай оно совсѣмъ хошь!» — махнулъ онъ на бутылку.

Дядя Милай однако былъ не того миѣнія: налилъ подъ шумокъ еще стаканчикъ и въ одну секунду проглотилъ.

Бесѣда продолжалась за чаемъ, отъ котораго никто не отказывался... Павелъ Ивановичъ все разспрашивалъ Алексѣя о разныхъ порядкахъ въ военномъ, преимущественно въ солдатскомъ, быту. Алексѣй давалъ на все подходящія, толковыя отвѣты, — такъ что каждый изъ собесѣдниковъ могъ вынести объ унтеръ-офицерѣ очень выгодное понятіе...

Павелъ Ивановичъ, отговариваясь дѣлами, ушелъ прежде всѣхъ.

— «Ай, батюшки!» — спохватилась тетка Аграфена. — «Развѣсила уши-то, а хозяинъ, чай, ругается — ужинать давно пора... Прощайте, спасибо за угощенье! Дай Богъ вамъ всякаго добра!» — низко поклонилась она хозяйкамъ.

— «Много довольны!» — наконецъ опрокинулъ донышкомъ кверху свою чашку дядя Никита, утирая рукавомъ обильно струившей съ лица потъ... «Пора и ко дворамъ... Пойдемъ чтоль, Милантій!»

Дядя Милай, взглянувъ съ сожалѣніемъ на пустой штофъ, торопливо взялся за шапку и изъявилъ полную готовность сопутствовать дядѣ Никитѣ.

— «Покорнѣйше благодаримъ, Семень Данилычъ, тетка Устинья, Лексѣй Семенычъ!» — раскланивались они поочереди съ каждымъ.

— «Не обезсудьте (не взыщите) родимые, напередки просимъ милости!» — отвѣтила за всѣхъ хозяйка.

— «Много довольны!» — еще разъ повторили гости, отворяя дверь въ сѣни.

Вскорѣ и хозяйева, помолившись Богу, улеглись на покой.

Семень Данилычъ особенно усердно молился, благодаря Бога за то, что сынъ вернулся, честно отслуживъ Царю-Отечеству, здоровымъ, и не только не испортился въ чужомъ краю безъ отцовскаго надзора, а даже набрался ума-разума.

2-го драгунскаго С.-Петербургскаго полка Священникъ Петръ Масловъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.**МАСТЕРСКАЯ
НЕПРОМОКАЕМЫХЪ РЕЗИНОВЫХЪ РЯСЪ.****М. П. СОБЕННИКОВОЙ.**

С.-Петербургъ, Казанская 22.

Рясы шерстяныя разныхъ цвѣтовъ; изъ тонкой матеріи, цѣна 19 руб., изъ толстой—23 руб., изъ черной и сѣрой резины—10 руб.; рясы викса-тиновыя—5 руб. Всѣ рясы шитыя и клееныя. Образцы матерій высылаются, по требованію, бесплатно. Также имѣются накидки и пальто мужскія и дамскія различныхъ фасоновъ. Пересылка заказа на счетъ покупателя.

Содержаніе. Высочайшая грамота.—Высоч. награды.—Списокъ духовн. лицъ, награжд. къ 6-му мая. — Воен. духовенству къ исполненію (о т. наз. инспектор. смотрѣ).—Слово въ день Вознесенія Господня.—Поученіе на праздникъ 50-цы. — Врачебное дѣйствіе молитвы. — Освященіе Суворовской церкви. — Подвигъ рядового Дудатьева. — Послѣ службы на родину (*Окончаніе*).—Объявленіе.

Редакторъ, Свящ. *Іоаннъ Таранецъ.*

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Мая 12 дня 1900 года.

Старшій Цензоръ Архимандритъ *Владимръ*

Типографія «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская, № 21.